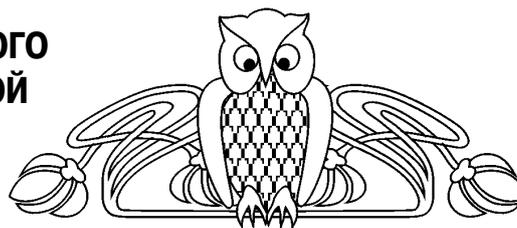




УДК 271.2 (470.44)(09) + 929 Чернышевский

У ИСТОКОВ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДУХОВЕНСТВА САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Г. СКОПИНА И Г. И. ЧЕРНЫШЕВСКОГО



И. Е. Захарова

Музей Н. Г. Чернышевского
E-mail: inevz@yandex.ru

Статья посвящена проблеме создания в Саратове приходского и уездного духовных училищ. На основе архивных материалов раскрываются трудности первых лет становления системы профессионального образования духовенства в начале XIX века. Материалы архивных документов, которые публикуются впервые, позволяют показать заслуги известных саратовских просветителей Н. Г. Скопина и Г. И. Чернышевского в организации духовных училищ в Саратове в 1820–1830 гг., а также дается представление об уровне учебного процесса и условиях обучения детей духовенства Саратовской епархии.

Ключевые слова: XIX век, духовенство, духовное училище, Н. Г. Скопин, Г. И. Чернышевский, Саратовская епархия.

At Sources of System of Vocational Training of Clergy of the Saratov Diocese: N. G. Skopin's Activity and G. I. Chernyshevsky

I. E. Zaharova

Article is devoted a creation problem in Saratov parish and district spiritual schools. On the basis of archival materials difficulties of the first years of formation of system of vocational training of clergy in the beginning of XIX century Materials of archival documents which are published for the first time reveal, allow to show merits of known Saratov educators N. G. Skopin and G. I. Chernyshevsky in the organization of spiritual schools in Saratov in 1820–1830, and also representation about level of educational process and conditions of training of children of clergy of the Saratov diocese is given.

Key words: XIX century, clergy, spiritual school, N. G. Skopin, G. I. Chernyshevsky, Saratov diocese.

В начале XIX в. из 730 протоиереев и священников Саратовского края только 140 получили богословское образование, 243 не закончили полного курса семинарии и 347 совсем не учились в семинарии¹. До начала XIX в. в Саратове существовало большое число частных школ, значительная часть которых содержалась старообрядцами разных сословий. Обучение учащихся зачастую велось по псалтырю и часослову, а среди преподавателей были и начетчики, и отставные солдаты, и актрисы, и даже расстрига-дьякон. Известно, что в то же время, кроме подобных нелегальных училищ, в городе существовали и разрешенные властями частные пансионы. Вероятно, и ранее, т. е. в XVIII и даже XVII в., «народное просвещение» обслуживалось путем частной инициативы².

О становлении и развитии системы образования в Саратове можно говорить только с XIX в., когда в городе открываются уездное и приходское духовные училища, а после учреждения архиепископской кафедры – семинария, а также создаются гимназия и народные училища.

До 1820 г. саратовское духовенство обучалось в Астраханской или Пензенской семинариях, но «везти детей своих в такую даль возможно было не всякому, а только более обеспеченным в материальном отношении, большинство же детей лиц духовных принуждены были довольствоваться домашним, “букварным” образованием, а некоторые дети не получали и такого образования и навсегда оставались безграмотными, записываясь в крестьяне или мещане. Некоторым удавалось поступить в церковные сторожа, и таковые могли считать себя даже счастливыми...»³.

Учредить духовную школу в Саратове епархиальное начальство намеревалось еще в 1780-е гг. Для этой цели по распоряжению Астраханского епископа Никифора (Феотоки) построили в Спасо-Преображенском монастыре специальное здание.

Реформы системы просвещения в России первой половины XIX в. охватывали не только светское образование, но и духовное. В результате проведения реформы духовной школы с 1808 г. средними духовными школами стали семинарии – по одной на епархию – с шестилетним обучением, разделенным на три двухгодичных отделения, которые, как и раньше, назывались риторическим, философским и богословским. В семинарии принимались выпускники уездных духовных училищ (с шестилетним курсом), которые должны были знать грамматику, арифметику, историю, географию, пение, пространный катехизис, церковный устав и классические языки. Уездные училища были подчинены епархиальным семинариям. Для обучения детей духовенства начальной грамоте – чтению, чистописанию, грамматике, пению, арифметике и краткому катехизису – открывались трехгодичные приходские училища, успешно окончившие курс которых поступали в уездное училище для продолжения образования.

В 1808–1812 гг. архиереем Пензенским и Саратовским был Моисей, который особое внимание уделял просвещению духовенства. Прибыв в Пензу в июне 1808 г., Моисей обязал духовенство епархии всех сыновей священноцерковнос-



лужителей, достигших 10–13-летнего возраста, отправлять для обучения в семинарию, а детей более старшего возраста обучать в пономарской школе. По распоряжению архиерея не прошедшие обучения сыновья духовенства не могли подавать прошений на церковнические места.

Саратовское духовенство живо откликнулось на это распоряжение. В 1808 г. саратовский протоиерей Н. Г. Скопин вел переписку с архиереем об учреждении духовной гимназии в губернском центре. В своем обращении к Моисею он предлагал разместить гимназию в Спасо-Преображенском монастыре в доме, где размещалось духовное правление, который «как нельзя лучше для этого подходил», но нуждался в ремонте: «Поправка состоять должна в сделании вновь фундамента каменного, новой крыши и в обновлении дверей, окон, печей и прочего... Сумму на сие употребить можно также собрав от доброхотодателей, коими он и выстроен, разумею я, таковыми священно-церковнослужителей тех уездов, кои к Саратовской гимназии причислены будут». Гимназию Скопин предлагал расположить либо в мужском саратовском монастыре, либо, что более удобно, – при «Воздвиженской церкви, где прежде был девичий монастырь, так как оно ближе к середине города и огорожено всё каменною стеною». Духовное правление Скопин предлагает перевести «в каменные покои, находящиеся тож у Воздвижения, кои были прежде принадлежность девичьего монастыря, исправив их несколько...»⁴.

К сожалению, все принятые меры по учреждению духовных учебных заведений в Саратове не дали результата: пожар, случившийся в 1811 г., практически уничтожил Спасо-Преображенский мужской монастырь, серьезно пострадали и многие городские храмы, в том числе и Крестовоздвиженская церковь.

Открытие училищ для обучения детей духовенства Саратовской епархии было знаменательным событием для горожан. Это стало возможным только в 1820 г. благодаря деятельности епископа Пензенского и Саратовского Амвросия, который по этому поводу ходатайствовал перед Святейшим синодом. Деятельное участие принимал в решении организационных вопросов и саратовский кафедральный протоиерей и благочинный Н. Г. Скопин. Церемонию открытия совершал ректор Пензенской семинарии архимандрит Аарон (впоследствии – епископ Архангельский) 25 января 1820 г. «при собрании дворянства и разного сословия людей»⁵.

В 1870 г. саратовцы торжественно отмечали 50-летие духовного училища. На празднование пришел и один из первых учеников – саратовский протоиерей кафедрального Александро-Невского собора, бывший долгое время членом саратовской духовной консистории, «почтенный старец» В. И. Жуков, который «был на молебне при открытии Саратовского д. училища, был и в день его 50-летия...»⁶. «Таким образом 1820 год,

– год открытия нашего училища, живым голосом откликнулся в 1870 году, в который мы празднуем 50-летие сего училища. – Сообщалось в Саратовских Епархиальных Ведомостях. – Разумеется, все обратились к нему с вопросом: как и что было при открытии училища? «Помню только, – отвечал он, – что всем нам было очень страшно, особенно, когда вошли к нам посетители, во главе которых был высокого роста Архимандрит; что, должно быть, и был ректор Пензенской семинарии Аарон. Хотя говорят, что у страха глаза велики, но мы, большими от страха глазами, почти ничего не видали. Тогда-ли я заметил, или уже после передано мне, только знаю, что Н. Г. Скопин говорил при открытии речь. – Помню еще, что через 3 года меня опять перевели в Пензу уже в Семинарию»⁷.

Училище называлось, по терминологии того времени, уездно-приходским (по документам 1820–1830 гг. – «духовные уездное и приходское училища»). Для управления его делами было образовано правление, состоявшее из ректора и инспектора. Ректор занимался ведением «училищной экономии» и осуществлял контроль над учебно-воспитательной частью, инспектор обязан был заниматься обучением учеников и вести надзор за их поведением; высший контроль над училищем осуществлялся правлениями Пензенской духовной семинарии и Казанской академии, в состав учебного округа которой входило новое училище.

В 1820–1822 гг. училища размещались в двух домах, поскольку одного достаточно большого дома в городе не нашлось. «Классы разместили в нанятом доме священника Евдокима Степановича Троицкого на Семинарском взвозе напротив старой семинарии⁸, а бурсу⁹ – в доме, который принадлежал некоему Краюхину, на углу Царицынской и Покровской улиц» (в настоящее время – угол ул. Лермонтова и Первомайской)¹⁰.

Первым ректором был назначен Николай Герасимович Скопин. До приезда в Саратов он служил префектом (инспектором) Астраханской духовной семинарии, где зарекомендовал себя с отличной стороны¹¹. Скопин был практически единственным в Саратове священником, закончившим духовную академию, и пользовался большим уважением и доверием как у епархиального, так и у светского начальства.

Инспекторская должность в училищах была введена позднее, в 1822 г. Ее занял ближайший помощник Скопина – учитель старшего отделения уездного училища священник Сергиевской церкви Гавриил Иванович Чернышевский, который обосновался в Саратове с 1818 г., но уже зарекомендовал себя как высокообразованный и благовоспитанный человек. Вместе с Н. Г. Скопиным он вел большую работу по первоначальному устройству духовных училищ в Саратове. О первом инспекторе училища и «близком достойном сотруднике протоиерея Скопина» вспоминали на праздновании 50-летия духовных училищ: «Строгий к самому себе, Гавриил Иванович, как усердный



и всегда исправный деятель, отличался при этом еще истинно дружеским и неподдельно добрым расположением ко всем и каждому, особенно к детям. Будучи впоследствии членом консистории, кафедральным протоиереем и благочинным городских церквей, он всегда и во всем оставался верен себе, и память об нем в духовенстве и по сие время сохранилась, как о просвещенном, добром и честном деятеле»¹².

Приходское училище давало начальное образование и делилось на 1-й и 2-й классы, в двух отделениях уездного, низшем и высшем, готовили учащихся к дальнейшему обучению в семинарии. В 1820 г. со всей епархии собрали 186 детей: в 1-м классе приходского училища было 53 ученика, во 2-м – 59; в низшем отделении уездного училища – 46 и в высшем – 28 учеников. Учащиеся набирались по территориальному принципу, как положено было по Уставу: часть из них перевели из Пензенского училища, а часть набрали непосредственно из домов родителей¹³.

Вскоре старый дом оказался тесным и неудобным для училищных нужд, потому что число учащихся за два года сильно увеличилось. Ректор училища постоянно обращается в Пензенское семинарское правление с просьбой о разрешении нанять или купить «дом более поместительный и удобный». Дом у протоиерея Евдокима Степанова правление училища арендовало за 700 р. асс. на год – с 25 января 1820 по 25 января 1821 г. Сроки аренды истекали, когда Скопин в очередной раз обратился в начале января 1821 г. в семинарское правление с предложением о найме другого дома. Такой дом подыскивали на Горянской площади¹⁴, его владелец, саратовский купец Д. Рогачёв, соглашался первое время и на аренду, и даже на продажу этого дома, однако дело затянулось.

В своих рапортах в училищное правление Н. Г. Скопин подробно описывает трудности, вызванные поисками дома для училища, переговорами с купцом об аренде или продаже подходящего дома, а с протоиереем Евдокимом Степановым – о продлении на некоторое время аренды дома, где размещалось училище.

В рапорте от 31 января 1821 г. ректора Николая Скопина в правление Пензенской семинарии обстоятельно изложена проблема, возникшая в результате действий владельцев домов, которые арендовались для размещения училищ. Он сообщает, что правление 15 января разрешило «нанять дом купца Рогачёва для училищ за 1000 [рублей], а ежели почему-либо не можно, то приискать другой», поскольку арендный срок истек уже через 10 дней. Скопин направил к купцу Рогачёву учителя высших классов Гавриила Чернышевского договариваться об аренде дома или его продаже. Неоднократно Чернышевский ходил к Рогачёву, поскольку владелец дома решение свое постоянно менял, а потом и вовсе стал скрываться. Скопин сообщает: «... посылал я к Рогачёву учителя священника Гавриила Чернышевского, дабы

переместиться училищам позволил в нанимаемые помещения. Он сначала ответил, что без контракта не пустит ни за какую цену. Когда же контракт получил я с почты и так же послал его уведомить, он решительно сказал посланному, что никак не пустит. После того под разными предлогами начал укрываться и не сказываться в доме»¹⁵. За то время, пока велись переговоры с Рогачёвым, истек срок аренды дома, где размещались училищные классы, но со Степановым был заранее заключен договор о том, что если до 25 января не найдется дома более удобного, то несколько дней классы могли находиться на прежнем месте, и «если бы другого дома не нашлось, остаться в его [доме] еще на год с прибавкою платы ста рублей»¹⁶.

Однако по истечении срока аренды Степанов самовольно «на 26-е число все столы и скамейки выкинул на двор и покои запер». Таким образом, затянувшиеся переговоры о найме или продаже дома с купцом Рогачёвым и самоуправство Степанова привели к тому, что училище было закрыто целую неделю¹⁷. Только когда вмешался сам губернатор, училище вернулось на прежнее место и занятия возобновились. О результатах переговоров с купцом Рогачёвым в правление сообщалось следующее: «О таких неприятных обстоятельствах правлению почтенно рапортуя, представляя при сем мое мнение, что и покупать дом у купца Рогачёва опасно. Ибо человек, привыкший к таким недобросовестным уверткам, каковых по случаю заводившегося с ним дела о найме дома много рассказано изведавшим то лично [Чернышевским], может наделать подобные беспокойства и высшему начальству»¹⁸.

Поиски помещения для училища пришлось продолжить, и наконец был найден подходящий дом на самой красивой улице Саратова Большой Сергиевской, принадлежавший купцу Большакову. В частном письме от 7 февраля 1821 г. к Амвросию, епископу Пензенскому и Саратовскому, Скопин рассказывал: «На прошедшей почте почтеннейше рапортовал я В[ашему] преосвященству о выслании училища о. протоиереем Евдокимом Степановым и о принуждении его опять принять оное на время г. губернатором, и обещался подробно донести о найме дома у купца Большакова. Действительно все сие так действует, но формально не осмеливался еще рапортовать о сем в пр[авление], потому что дом оправляется, и мы перейдем в него на сей неделе. Опыт прошедший меня научил не полагаться на слова самых значительных людей, когда слова не приведут в самое исполнение. Дом сей я вашему преосвященству указывал... Я нанял половину его. Корпус для училища как будто нарочно строен. В нем три покоя, каждый в отношении к корпусу шириной в 4 сажени с половиной и три сажени длиной внутри; четвертый равный почти ширине одного из вышепоказанных, но перегороджен на четыре части – наняты только сии покои, да



для бурсаков особые комнаты и кухня с сараем и погребом – из первых треть отделана, а прочее отделяет в черне хозяин, чтоб училищу перейти было можно скорее... Для бурсаков покои, кухня и погреба давно готовы – за все это здание положил Большаков платы 1000 рублей в год»¹⁹. Рассказывает Скопин и о дальнейшем поведении Степанова: «Губернатор приметно довольно ему внушил правила полицейские и он приходил с раскаянием ко мне испрашивать прощения»²⁰.

В 1822 г. с разрешения Комиссии духовных училищ за 8000 р. асс. был куплен дом купца Большакова на Сергиевской улице, еще не совсем отстроенный. Сюда были переведены и училищные классы и бурса, что было удобнее и выгоднее и в экономическом, и в учебно-воспитательном отношении²¹. Но и этот дом вскоре оказался тесным – число учеников с каждым годом возрастало. За 8 лет существования духовных училищ в Саратове число воспитанников в них выросло со 186 (в 1822 г.) до 542 человек (к 1828 г.), т. е. почти в 3 раза. В 1829 г. проректор Н. Г. Скопин писал в правление Пензенской семинарии, что «на чистописание ученикам не только невозможно разложить тетради на столах и писать, но и свободно сидеть нельзя, так что многие из них помещаются на полу»²².

В 1828 г. правление Пензенской семинарии затребовало от инспектора саратовских училищ Г. И. Чернышевского отчет о состоянии зданий, где размещаются училище и бурса. Из записки, представленной Чернышевским, видно, как был приспособлен для училищных нужд дом, купленный в 1822 г., какие проводились строительные работы в течение 5 лет, на какое число учащихся рассчитано это помещение²³.

Строения, занимаемые духовными училищами, Чернышевский описывает таким образом:

«1. Главный корпус – каменный, среди двора, на одну, что к Волге, сторону, по косогорному местоположению, двухэтажный, в длину на 14 и в ширину на 5 сажень. В нем способных для жительства в нижнем этаже четыре комнаты, из коих три занимают учениками, содержащимися на казенном иждивении, а четвертая, хотя и отделана, ничем не занята, да неспособных за темнотою две небольшие [комнаты] с железною при входе в них дверью, которые, впрочем, могут быть кладовыми весьма благонадежными, – в верхнем этаже семь комнат, из коих в трех больших помещены классы высшего и нижнего отделения уездного училища и первого класса приходского училища, из последних четырех, кои гораздо меньше трех вышеуказанных, в первой помещаются ученики казенноштатные, во второй учителя 2-го и 1-го классов приходского училища, в третьей – училищные дела и библиотека, а четвертая служит прихожей к первым трем комнатам; к верхнему этажу сего корпуса приделана деревянная на каменном фундаменте галерея, в полу которой сде-

лано три схода в нижний этаж; крыша на корпусе и галерее деревянная, тесовая; на корпусе требует переправки.

2. Флигель каменный одноэтажный, длиною на девяти, а в ширину по улице на четырех саженьях; в нем четыре комнаты, из коих в первой, что к улице, помещена кухня, в третьей – трапезная для казенноштатных учеников; вторая составляет прихожую к сим двум комнатам; а в четвертой помещен 2-ой класс приходского училища; флигель сей крыт железом, которое требует починки.

3. К каменной по улице стене прикладена каменная же маленькая комната, крытая железом, но сквозь которого идет течь; ни чем не занимается.

4. Сруб деревянный над погребом, разгороженный на 2 части в длину на трех и поперек на двух саженьях; крыт тесом; строение не новое; в нем хранится хлеб, покупаемый для продовольствия казенноштатных учеников... В 1825-ом году пристроены три стены деревянные к срубам, что над погребом: сей сарай покрыт тесом на скат: он нужен для складки дров»²⁴.

Далее Чернышевский указывает, что в правлении Пензенской семинарии хранятся документы на владение строениями, планы их фасадов и галереи. Купчая на строение с дворовым местом правлением Пензенской семинарии была совершена в Саратовской палате Гражданского суда 11 августа 1822 г.²⁵

Кроме учителей при училище было 3 смотрителя – повар и 2 сторожа, которые получали жалование. Для отопления закупались дрова, для освещения – свечи; чинились печи к зиме, проводился мелкий ремонт в помещениях, очищались «нужные места», летом погреба набивались льдом. Особые расходы шли «за письмоводство», за подписку на журнал «Христианское чтение»²⁶.

В перечневых ведомостях училищ, кроме средств на выплату жалования учителям, ректору и инспектору, расходов на поддержание в порядке училищного дома, приведены суммы на содержание беднейших учащихся – бурсаков и полубурсаков. В отчетах перечислены закупленные продукты с указанием цены и количества: «...ржаная и пшеничная мука, пшено, мука гречневая, горох, семя конопляное, масло постное и коровье, солод, сало, говядина, рыба, капуста, соль»; для обеспечения одеждой и обувью покупались «холст для рубах и исподних и прочее (161 арш.), нанка на сюртуки, нитки». Рубахи и сюртуки шились на заказ (указано 12 пар рубах и 4 сюртука), оплачивали и работу прачки – «за мытье рубах и прочего». Указано также, что для бурсаков было пошито 8 пар башмаков и 8 пар чулок. Среди расходов особо выделены расходы «на больницу»²⁷.

В послужных списках ректора и учителей имеются сведения о возрасте, образовании, об учебных занятиях, которые проводились в отделениях училища, ректор здесь же оценивал благонадежность учителей, поведение и отношение к



делу. Самым старшим был ректор Н. Г. Скопин, которому в 1826 г. было 57 лет. Инспектор и учителя были приблизительно одного возраста – от 27 до 35 лет, практически все получили образование в Пензенской семинарии.

По документам 1826 г. в высшем отделении духовного уездного училища служили протоиерей Г. И. Чернышевский и священники Я. Снежницкий и М. Лорентов. Чернышевский с 25 июня 1820 г. был зачислен учителем греческого языка, священной истории и арифметики, с февраля 1822 г. назначен инспектором, а в 1826, 1828 и 1829 гг. в течение нескольких месяцев замещал больного Скопина на ректорской должности. С 1818 г. он служил священником, а с 1825 г. – протоиереем Нерукотворенно-Спасской (Сергиевской) церкви. Священник той же церкви Яков Снежницкий с момента открытия училищ 25 января 1820 г. обучал латинскому языку, всеобщей и российской географии, пространному катехизису. Священник Казанской церкви Матвей Лорентов с июня 1820 г. обучал началам греческого языка, катехизису, церковному и нотному пению (еще семинаристом в Пензе он пел в архиерейском хоре). Учителем низшего отделения уездного училища с 1822 г. был Михаил Златорёв, который обучал началам латинского языка, славянской и российской грамматике и арифметике. Учителями духовно-приходского училища были диакон Александро-Невского собора Роман Нормандов во 2-м классе и диакон Введенской церкви Михаил Гаврилов в 1-м классе. О Нормандове Скопин заметил: «... прилежен, но частые занятия по должности диаконской отвлекают его от классов, а потому впредь обучать не надежен»²⁸. По разным причинам учителя как в училищах, так и в семинариях часто менялись, о «перемещениях» учеников, учителей и вакансиях инспектор обязан был регулярно сообщать в училищное правление.

По окончании курса выпускники уездного училища, в аттестатах которых указывались поведение «доброе, честное, похвальное» и «способности, прилежание и успехи в прохождении обучения» «преотличные, прекрасные, благоуспешные, похвальные, изрядные», для продолжения обучения направлялись в Пензенскую семинарию, а те, в чьих аттестатах значилось «хороших способностей, очень нехудого прилежания, средственного поведения» или «средственных способностей, малого прилежания, хорошего поведения», поступали для решения дальнейшей участи в распоряжение епархиального ведомства²⁹. Закончившие нижнее отделение уездного училища поступали в высшее, те же, кто «к продолжению учения найден по тупости и малоуспешеству неспособным», со свидетельством также отправлялись в епархиальное ведомство³⁰. В 1826 г. получили аттестаты первые 50 выпускников, из которых в Пензенскую семинарию были рекомендованы 22 успешных ученика высшего класса – дети духовенства из сел Саратовской, Вольской, Балашовской, Аткарской

округи³¹. А «не годные к обучению» по решению епархиального правления исключались из духовного сословия и зачастую шли на военную службу в солдаты.

За первое десятилетие своего существования училище окрепло и привлекало внимание местного епархиального духовенства. «При всех недостатках, в смысле тесноты помещения, недостатка в материальных средствах и самой постановкой учебно-воспитательного дела, училище оказало епархии большую услугу, как именно учебно-воспитательное заведение, имевшее свою прямую целью готовить детей духовенства к занятию церковно-служительских должностей», – отмечал В. П. Соколов³².

Этому немало способствовало то, что в сложные годы организации и становления училищ их руководителями были опытные и высокообразованные саратовские просветители – ректор училища Н. Г. Скопин и инспектор Г. И. Чернышевский, «люди выдающиеся по своим умственным дарованиям вообще и педагогическим способностям в частности»³³. С открытием в 1828 г. Саратовской епархии и в 1830 г. духовной семинарии уездное и приходское духовные училища перешли в ведение и наблюдение местного архиерея и Саратовского семинарского правления.

В 1830 г. Н. Г. Скопин «по случаю болезненного своего состояния и преклонных лет» отказался от должности ректора. Почти одновременно с выходом Н. Г. Скопина на пенсию из училища ушел и Г. И. Чернышевский, который уже не мог совмещать ряд должностей (член духовной консистории, градской благочинный – с 1828 г.) и службу в училище. Вместо Чернышевского инспектором училищ был назначен кандидат Московской академии В. П. Полянский. Ректором до 1832 г. был инспектор Саратовской семинарии игумен Иовил, а после него в течение нескольких лет – священник Воздвиженской церкви магистр Г. Н. Амалиев³⁴.

К середине XIX в. в Саратове было уже по 2 уездных и приходских духовных училища. Их значение в становлении профессионального образования духовенства было очень велико. По окончании курса каждые 2 года в семинарию поступало от 50 до 150 учеников, высокий уровень подготовки которых особо отмечало семинарское правление. К 1870 г. более 3000 человек получили училищное образование. «Имена некоторых высокопоставленных по служебной деятельности выпускников духовных училищ долгое время были известны саратовцам: Антоний епископ Пермский, Гурий епископ Таврический; действительные статские советники Иван Григорьевич Терсинский и Петр Устинович Палимпсестов; профессор Казанской Академии Н. П. Соколов; статский советник Иван Устинович Палимпсестов; ректор Смоленской семинарии архимандрит Нестор, ректор Астраханской семинарии архимандрит Александр; протоиерей и благочинный



в Москве А. Г. Никольский, протоиерей и член консистории в С.-Петербурге Петр Алексеевич Горизонтов, кафедральный протоиерей Варшавы А. С. Метаниев, священник и законоучитель С.-Петербургского Гатчинского института А. Я. Снежницкий и другие»³⁵.

Примечания

- ¹ См.: *Правдин А. М.* Историческая записка о Саратовской епархии (за пятидесятилетие 1828–1878 года). Саратов : Типография Кувардина и К°, 1879. С. 15.
- ² См.: *Герасимов А.* Прошлое Саратова // *Весь Саратов: альманах-справочник на 1925 г.* Саратов: Изд. Сарат. Губ. Ком. по улучшению быта детей при Сар. ГИКе, 1925. С. 69.
- ³ *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891 // Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 820. Л. 1.
- ⁴ *Новиков А. П., Барзилов С. И.* Святители земли русской. Биографические очерки саратовских архиереев 1799–1832. Саратов : Соотечественник, 2000. С. 87–88.
- ⁵ Празднование 50-летия в Саратовском Духовном училище 25 января 1870 г. // Саратовские Епархиальные Ведомости. 1870. № 8. С. 227.
- ⁶ Празднование 50-летия в Саратовском Духовном училище 25 января 1870 г. (Окончание) // Саратовские Епархиальные Ведомости. 1870. № 9. С. 251–252.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Е. К. Максимов указывает, что училище находилось на месте здания поликлиники, расположенной на углу ул. Чернышевского и Бабушкин взвоз. (*Максимов Е. К.* Имя твоей улицы. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 2007. С. 18).
- ⁹ Бурсаки и полубурсаки, по документам перв. пол. XIX в., – учащиеся «казенноштатные», т. е. из бедных семей, чаще всего сироты, находившиеся «на казенном иждивении» (на полном или в половину выделяемой на их содержание из училищного правления суммы) в училище; бурса – помещение для их проживания (общежитие). Ученики, которых в период обучения содержали родители, жили на съемных квартирах.
- ¹⁰ См.: *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 1 об.
- ¹¹ Там же. Л. 2.
- ¹² Празднование 50-летия в Саратовском Духовном училище 25 января 1870 г. С. 230.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Угловой дом на пересечении ул. Октябрьской и Московской сохранился в перестроенном виде до наст. вр.
- ¹⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 7. «Дело о покупке дома для Саратовских духовных училищ у купца Рогачёва». 14.01 – 23.02. 1821». Л. 7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Письмо к Амвросию епископу Пензенскому и Саратовскому от 7 февраля 1821 г. // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1611. Письма протоиерея Скопина Н. Г., служившие для составления биографии (1805–1826). Л. 38–38 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 2.
- ²² Саратовские Епархиальные Ведомости. 1870. № 8. С. 236; *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 2. После 70-х гг. XIX в. уже обветшавший училищный дом на Б. Сергиевской был снесен, а место приобрел Комитет Свечного завода для своих целей (Саратовские Епархиальные Ведомости. 1875. № 7, отд. С. 307–308)
- ²³ ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 15. Переписка правления Пензенской семинарии с Саратовским духовным училищем о перемещении учеников. (11 янв. 1828 – 27 нояб. 1828). 143 л. ; Рапорт инспектора училищ Г. И. Чернышевского о состоянии домов, где располагались духовные училища Л. 31 а–33 об.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 15. Л. 32 об. – 33.
- ²⁵ В. П. Соколов утверждает, что купчая крепость на этот дом была утрачена в пожаре 1858 г. (*Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 2). Запись о покупке дома сохранилась в «Книге записей проданных или завещанных владельцами дворов и дворовых мест (18 января – 22 августа 1822 г.)», которая хранится в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 564. Л. 89 об.–91. [Купчая на дом купца Большакова]).
- ²⁶ ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 4. Саратовское духовное уездное училище. Отчеты сумм и перечневая ведомость об учениках за 1826 г. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Л. 7.
- ²⁸ Там же. Ф. 402. Оп. 1. Д. 3. 12 л. Послужные списки ректора, инспектора и учителей саратовских уездного и приходского духовных училищ за 1825 год – л. 10 об.–11.
- ²⁹ Там же. Д. 7. Ведомости об успеваемости и поведении учеников духовных училищ за 1826 г. 145 л.
- ³⁰ Там же. Д. 8. Свидетельства учеников об окончании Духовного училища за 1826 г. 60 л.
- ³¹ Там же.
- ³² *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 3.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Саратовское духовное училище. Рукопись неизв. автора // ГАСО. Ф. 407. [СУАК]. Оп. 2. Д. 2088. Л. 2 об.
- ³⁵ Там же. Л. 5 об.